

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
П27

Laura Purcell
THE SILENT COMPANIONS

*Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Caskie Mushens Ltd. и Prava I Prevodi International Literary Agency*

Художественное оформление Александра Шпакова
Перевод с английского Елены Мигуновой

Перселл, Лора.
П27 Безмолвные компаньоны: [роман] / Лора Перселл; пер.
с англ. Е. Мигуновой. — Москва: Издательство АСТ, 2018. —
416 с. — (Очень странный детектив).

ISBN 978-5-17-109983-1

Когда Эли вышла замуж за аристократа Руперта Бейнбриджа, она верила, что впереди у нее прекрасная беззаботная жизнь. Но судьба распорядится по-своему. Вскоре после свадьбы Эли теряет мужа и отправляется в заброшенное поместье в английской глубинке, чтобы горевать подальше от людских глаз. Однако и там она не находит утешения: слуги настроены враждебно, кухня мужа ведет себя странно, а главное, всё в старинном доме пропитано страхом...

**УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44**

ISBN 978-5-17-109983-1

Copyright © 2017 by Laura Purcell
© Е. Мигунова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Посвящается Джулиет

БОЛЬНИЦА СВ. ИОСИФА

Новый доктор застиг ее врасплох. Не то чтобы в его появлении было что-то необычное — врачи приходили и уходили достаточно часто. Но этот был молод. Новичок как в профессии, так и в этом месте. Было в нем что-то светлое, настолько, что глаза начинали болеть.

— Это она? Миссис Бейнбридж?

Миссис. Как это мило. Она не могла припомнить, когда в последний раз к ней обращались именно так. Слова прозвучали как старая, давно забытая мелодия. Он оторвался от своих записей, поднял глаза, внимательно вгляделся в ее лицо.

— Миссис Бейнбридж, меня зовут доктор Шеферд. Я здесь, чтобы помочь. Чтобы удостовериться, что для вас делается все возможное и вам обеспечен надлежащий уход.

Уход. Ей захотелось встать с кровати, на краешке которой она сидела, взять его под ручку и мягко выпроводить за дверь. Это место было не для невинных. Рядом с ассистенткой, пожилой приземистой ведьмой, он казался таким живым, полным энергии. Крашенные известью стены еще не впитали краску с его лица, не успели заглушить голос, заставив звучать его тускло. В глазах

доктора она заметила искорку интереса. Это встревожило ее куда больше, чем хмурый взгляд ассистентки.

— Миссис Бейнбридж? Вы понимаете меня?

— Я вам говорила, — хмыкнула ассистентка. — От нее ничего не добьешься.

Доктор вздохнул и, сунув бумаги под мышку, подошел ближе.

— Такое случается. Обычно после сильных потрясений. Иногда шок так силен, что пациент не способен заговорить. Похоже, верно?

Невысказанные слова так и бурлили в груди. Они так рвались наружу, что у нее болели ребра и пощипывало губы. Но это были лишь призраки, отголоски произошедшего. Всего того, что она ни за что не хотела бы пережить снова.

Доктор наклонился так, что их головы оказались на одном уровне. Она отчетливо видела его глаза за стеклами очков, широко раскрытые и немигающие. Два светлых кружка, едва подкрашенных мятно-зеленым.

— Это лечится. Временем и терпением. Я видел подобное.

Ассистентка недоверчиво вздохнула.

— Не подходите близко, доктор. Она та еще злюка. Один раз мне в лицо плюнула.

Как спокойно он на нее смотрит. Приблизился настолько, что она почувствовала исходящие от него запахи карболового мыла и гвоздики. Память вспыхнула ярко, словно от кресала посыпались искры. Она не хотела подносить к искре трут.

— Вы не хотите вспоминать, что с вами произошло. Но говорить вы можете. Вы, конечно же, очень сильно надышались дыма.

— Да не заговорит она, доктор. Она не дурочка. Понимает, куда в случае чего можно отсюда угодить.

— Но она же может писать? — Он осмотрел палату. — Отчего здесь нет ничего, чем она могла бы писать? Вы даже *не попытались* наладить с ней общение?

— Не решились доверить ей перо.

— Так принесите грифельную доску и мел из моего кабинета, — врач пошарил в кармане и протянул ассистентке ключ. — Принесите их. Прямо сейчас, будьте любезны.

Ассистентка, хмурясь, взяла ключ и поспешила к двери.

Они остались одни. Она чувствовала на себе взгляд доктора — не тяжелый, однако под ним ей было неуютно, как от щекочущего прикосновения ползущего по ноге насекомого.

— Медицина меняется, миссис Бейнбридж. Я не из тех людей, которые прописали бы вам электрический шок или ледяную ванну, — врач наклонил голову набок. — Вы должны знать, что против вас были выдвинуты определенные... обвинения. Кое-кто полагает, что вас следует содержать в помещении с более строгой охраной. Утверждают даже, что вам и вовсе не место в этой лечебнице.

Обвинения. Ей ни разу не объяснили суть обвинений, просто называли убийцей, и некоторое время она старалась хоть как-то оправдать репутацию преступницы: швырялась кружками, царапала сиделок. Но сейчас у нее появилась своя комната, она получала более сильные лекарства, и было жалко сил на то, чтобы играть эту роль. Уж лучше спать. Чтобы забыть.

— Я здесь, чтобы определить вашу дальнейшую судьбу. Но чтобы я мог помочь вам, необходимо, чтобы

вы помогали *мне*. Вы должны рассказать мне, что же произошло.

Как будто он смог бы понять. То, что ей пришлось видеть, нельзя постичь его узким научным умишком. Он станет отрицать, что это возможно, до тех пор, пока они не доберутся до него самого и не пожмут его руки своими, обветшалыми и расщепленными.

Доктор улыбнулся, и на левой щеке у него появилась ямочка.

— Понимаю, о чем вы думаете. Все пациенты говорят одно и то же — уверяют, что я им не поверю. Признаюсь, нередко приходится выслушивать бред, но почти не бывает, чтобы он не имел под собой основания. Его порождают некие впечатления и переживания. Даже если все звучит необычно, я все равно хотел бы выслушать ваш рассказ — узнать, что *по-вашему* произошло. Мозг подчас не справляется с той информацией, которую пытается переработать. Он подбирает происшедшему странные, необычные объяснения. Узнав, что ваш разум сообщает о травме, я смогу понять, как он работает.

Она улыбнулась в ответ. То была неприятная улыбка — одна из тех, от которых разбегались сиделки. Доктор и глазом не моргнул.

— И, возможно, нам удастся ваше затруднительное положение сделать вашим преимуществом. Когда возникает психологический шок, он не мешает, а нередко и помогает жертве описать его. Отстраненно. Как будто все случилось с другим человеком. — Скрипнула дверь, это вернулась ассистентка, неся мел и грифельную дощечку. Доктор Шеферд забрал их и шагнул к кровати, протягивая предметы,

словно ветвь оливы. — Итак, миссис Бейнбридж. Вы постараетесь? Для меня? Напишите что-нибудь.

Нерешительно протянув руку, она взяла мелок. Странно было ощущать его в руке. Прошло так много времени, что она не могла припомнить, как это делается. Она поднесла мел к доске и провела вертикальную черту. Раздался скрип — отвратительный, резкий звук, от которого у нее заныли зубы. Она перепугалась, нажала слишком сильно. Кончик мела обломился.

— Я уверен, что с карандашом ей было бы проще управиться. Взгляните, она не опасна. Просто пытается сделать то, о чем ее просят.

Ассистентка сверкнула глазами.

— Пусть это будет на вашей совести, доктор. Со временем принесу и карандаш.

Между тем ей удалось нацарапать несколько букв. Тонких, еле видных, но она боялась сильнее давить на мел. Однако на доске можно было различить дрожащее *Здравст...*

Доктор Шеферд вновь наградил ее улыбкой.

— Ну вот! Продолжайте заниматься. Вы ведь можете постараться, миссис Бейнбридж, и сделать то, о чем я просил? Записать все, что помните?

Проще некуда.

Он был слишком юн. Слишком свеж и полон надежд, чтобы осознать, что и в его жизни случится что-то такое, что он захочет стереть из памяти — что накопятся целые годы из таких невыносимых мгновений.

Ей удалось загнать их так глубоко, что сейчас она могла добраться только до одного или двух. И этого хватило, чтобышний раз убедиться: она не хочет выужи-

вать из памяти остальное. Стоило попытаться мысленно вернуться назад, как она видела их. Их ужасные лица преграждали путь в прошлое.

Рукавом она вытерла доску и снова стала писать. *Зачем?*

Доктор Шеферд поморгал.

— Ну... А как вы думаете?

Лечение.

— Верно. — Ямочки снова появились. — Хотите, чтобы мы вас вылечили? Выпустили из больницы?

Боже праведный. *Нет.*

— Нет? Но... Я не понимаю.

— Я же вам говорила, доктор, — прозвучал резкий, сорочий голос ассистентки. — Она это сделала, так и знайте.

Она подобрала ноги и легла в постель. Голова раскалывалась от боли. Обеими руками она вцепилась в свою бритую голову, пытаясь удержать мир на месте. Отросшая щетинка колола пальцы. Волосы отрастали, месяц за месяцем пролетало время — здесь, взаперти.

Давно ли это случилось? Год назад — так ей казалось. Можно было бы спросить их, написать свой вопрос на доске, но она боялась узнать правду.

Ей пора принять лекарство, пора заглушить и погасить мир.

— Миссис Бейнбридж? Миссис Бейнбридж, как вы себя чувствуете?

Она не открыла глаза. Довольно, довольно. Четыре слова, и сказано уже слишком много.

— Возможно, я сегодня был слишком настойчив, — сказал он. Но продолжал топтаться, склоняясь к кровати, беспокоя ее.

Все это неправильно. Она изнывала.

Наконец, она услышала, как доктор выпрямился. Брякнули ключи, заскрипела открываемая дверь.

— Кто следующий?

Дверь закрылась, мгновенно приглушив голоса. Звуки слов и шагов быстро удалялись по коридору.

Она осталась в одиночестве, но это не успокоило ее, как обычно. Вдруг все то, на что она обычно не обращала внимания, показалось до боли громким: громохание замка, смех где-то вдалеке.

В отчаянии она уткнулась лицом в подушку и попыталась забыться.

Правда. Она не могла перестать думать о ней в холодные серые часы молчания.

В комнату отдыха не приносили газет — по крайней мере, пока ей было разрешено там находиться, — но слухи имели обыкновение просачиваться сквозь трещины в стенах, под двери. Выдумки репортеров проникли в лечебницу задолго до того, как она сама здесь оказалась. С того дня, как она попала сюда, за ней закрепилось новое имя: *убийца*.

Другие пациенты, ассистенты и медсестры, даже сиделки, когда думали, что их никто не слышит — все они кривили рты и щерились, произнося и повторяя это. *Убийца*. Словно хотели ее испугать. *Ее*.

Не несправедливость обвинения была ей отвратительна, а сами эти звуки, шипящие, скребушие ей уши, словно... *Нет*.

Она поерзала в постели и, стараясь успокоиться, крепко обняла себя голыми руками, покрытыми гусиной кожей. До сих пор ей ничто не угрожало. Она была в безопасности за толстыми стенами, за собственным молчанием, за прекрасными лекарствами, способными заглушить прошлое. Но новый доктор... Он словно часы, неотвратимым и неумолимым тиканьем сообщающие, что ее время истекает. *Возможно, вам место вовсе не в лечебнице.*

В груди нарастал панический страх.

Снова все те же три возможности. Не говори ни слова, и тебя признают виновной. Конечный пункт: виселица. Не говори ни слова, и каким-то чудом будешь оправдана. Конечный пункт: холодный, враждебный мир, в котором не будет лекарства, чтобы помочь забыться.

Оставалась единственная возможность — правда. Но какова она?

Оглядываясь в прошлое, она могла ясно различить лишь лица своих родителей. Вокруг них неясной массой сгрудились темные фигуры. Пугающие, полные ненависти, которая изуродовала ей жизнь.

Но в это никто не поверил бы.

В окно светила полная луна, серебристые лучи падали на стену, касаясь ее головы. Она лежала, глядя на них, когда ей в голову пришла мысль. В этом месте хаоса всё вверх ногами. Правда безумна, она не укладывается в рамки здорового человеческого воображения. И потому правда — единственное, что гарантирует, что ее оставят под замком, взаперти.

Спустив ноги с кровати, она соскользнула на пол, оказавшийся холодным и немного липким. Сколько здесь

ни прибирали и ни мыли, в воздухе все равно висел запах мочи. Она свернулась в клубочек на полу и посмотрела, наконец, на громоздкое темное пятно в другом конце палаты.

Доктор Шеферд распорядился поставить это там: первый новый предмет в неизменной обстановке. Всего лишь письменный стол. Но это — еще один инструмент, призванный вскрыть склеп и предать эксгумации всё, что она давно похоронила.

С бьющимся где-то в горле сердцем она поползла по полу. Здесь, внизу, ей было как-то спокойней лежать, глядя на ножки с засечками. *Дерево*. Она вздрогнула.

Конечно, здесь у нее нет причин опасаться. Конечно, не могут же они захватить любой кусок дерева и... Это просто невозможно. Но и все, что случилось, тоже было невозможно. Во всем этом не было ни капли здравого смысла. И все же это *случилось*.

Медленно она встала и осмотрела поверхность стола. Доктор Шеферд приготовил для нее письменные принадлежности: бумагу и толстый тупой карандаш.

Она подвинула лист бумаги к себе. В полумраке ей виделась белая пустота, ожидающая слов. Она слотнула, чтобы унять боль в горле. Как вновь пережить все это? Как справиться с собой и описать это для них, все сначала?

Она вглядывалась в пустой лист, стараясь различить где-то в просторах небытия ту женщину из далекого прошлого.

БРИДЖ, 1865

Я не умерла.

Элси повторяла эти слова, пока ее экипаж колесил по сельским дорогам, разбрасывая во все стороны комья грязи. Колеса чавкали в мокрых колеях. *Я не умерла.* Но ей было трудно в это поверить, глядя на призрак в забрызганном дождем окне — свое отражение: бледную кожу, впалые как у трупа щеки, почти неразличимые под черной вуалью локоны.

Небо над ней было стального серого цвета, однообразие ландшафта нарушали только вороны. Миля за милей, а картина не менялась. Скошенные поля, похожие на скелеты деревьев. *Они меня хоронят*, вдруг осенило ее. *Хоронят меня вместе с Рупертом.*

Никто не предполагал, что все так сложится. К этому времени они уже должны были вернуться в Лондон, открыть дом, распахнуть двери, разливать по бокалам шипучее вино, зажигать свечи. В этом году в моде были яркие цвета. Салоны утопали в небесно-лазурном, лилово-розовом, в пурпуре и парижской зелени. Ее место было там, в центре всего этого: она — желанная гостья на каждом блестящем званом вечере, она идет под руку

с хозяином в полосатом жилете, ее приглашает к столу сама хозяйка. Новобрачная всегда пользуется особыми привилегиями.

Но не вдова. Вдова скрывается в тени и скорбно прячется от глаз, погребая сама себя. Она стала русалкой, тонущей в черном крепе, подобно самой королеве. Эли вздохнула и вгляделась в черную пустоту — отражение своих глаз. Должно быть, она плохая, бесчувственная жена, но ей совершенно не хотелось скорбно уединиться. Сидеть в безмолвии и предаваться воспоминаниям о добродетелях Руперта? Этим горю не поможешь. Утешиться можно только переключившись на что-то другое. Она хотела бы пойти в театр, покататься на грохочущих омнибусах. Да что угодно, лишь бы не трястись вот так, одной, мимо бесконечных мрачных полей.

Впрочем, она была не совсем одна. Напротив сидела Сара, уткнувшись носом в толстый том в засаленном кожаном переплете. Читая, она проговаривала слова шепотом, ее широкий рот двигался. Эли уже чувствовала к ней презрение. Коровьи карие с поволокой глаза, в которых не было ни проблеска ума, узкие скулы, тонкие волосы, которые вечно выбивались из-под чепца. Продащицы в лавках и то, бывало, отличались большей утонченностью.

— Она составит тебе компанию, — обещал Руперт, — А ты пригляди за ней, пока я буду в Бридже. Покажи ей окрестности. Бедная девочка редко выходит из дому.

Он не преувеличил. Его кузина Сара ела, дышала и моргала — иногда она читала. И все. Никаких устремлений, ни малейшего желания улучшить свое положение.

ние. Она довольствовалась скромной ролью компаньонки при чудаковатой старой даме до тех пор, пока карга не умерла.

Руперт — добрый кузен — взял ее к себе. А в результате она повисла на шее у Элси.

Желтые широкие, как веера, листья слетали с каштанов и падали на крышу экипажа. *Шлеп, шлеп.* Комья земли на гроб.

Еще час или два, и солнце начало клониться к закату.

— Долго ли еще?

Сара подняла свои остекленевшие глаза.

— Ммм?

— Долго еще?

— До чего?..

Боже милостивый.

— До нашего приезда.

— Я не знаю. Я никогда прежде не бывала в Бридже.

— Что? Вы тоже не видели дома?

От такого старинного семейства, каким были Бейнбриджи, можно было ожидать большего интереса к своему родовому гнезду. Но даже Руперт в свои сорок пять лет ничего не мог рассказать об этом месте. Он, казалось, вспомнил о своем наследстве лишь когда стряпчие приступили к составлению их брачного контракта.

— Поверить не могу. Неужели вы не были там даже в детстве?

— Нет. Мои родители часто упоминали парк, но я его так ни разу и не видела. Руперт не проявлял к имению интереса, пока...

— Пока не встретил меня, — договорила за нее Элси.